

Секция 1
**КИТАЙ: КУЛЬТУРА, ЯЗЫК,
РЕЛИГИЯ, ТРАДИЦИИ**

УДК 910.4(5-12)+94(510)+94(591)+39(510)

Д. В. Возчиков

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия.*

D. V. Vozchikov

*Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia*

**«Бирманские бубенцы», слоны и птицы:
некоторые аспекты восприятия средневековых
государств Мьянмы в Европе и Китае**

**“Burmese Bells”, Elephants and Birds:
Some Aspects of perception of the Medieval Myanmar
in Europe and China**

В статье дается сравнительный анализ образов Бирмы в описании венецианского купца первой половины XV в. Никколо Конти и в сочинениях ряда китайских авторов XII–XVII вв., в частности, Тань Цяня. Для Запада, как и для Китая, Юго-Восточная Азия была цивилизационно иным миром. По мнению автора, несмотря на некоторые различия, во взгляде на Бирму (и весь регион) и у европейского путешественника, и у китайских авторов прослеживаются общие модели инаковости, построенные на основе бестиарного и сексуального кода.

Ключевые слова: средневековые путешествия, история Китая, история Мьянмы, Никколо Конти, Тань Цянь, ориентализм, бестиарии, сексуальная культура.

This paper proposes a comparative analysis of the images of Burma constructed in the account of the 15th-century Venetian merchant Niccolò de' Conti and in the works of some Chinese authors of 12th–17th centuries (e. g. Tan Qian). For both the West and China, Southeast Asia was an exotic civilization and a cultural Other. Despite some dissimilarities in its description, the Venetian traveler and the Chinese intellectuals used common models of otherness (bestiary and sexual code of perception) in portraying Burma and the whole region.

Keywords: medieval travels, history of China, history of Myanmar, Niccolò de' Conti, Tan Qian, orientalism, bestiaries, sexual culture.

Данная статья — продолжение работы, посвященной описанию Китая в итинерарии венецианского купца, уроженца Кьоджи Никколо Конти (ок. 1395–1469) [1]. В этой части исследования известия путешественника этнографического и религиозного плана о государствах средневековой Мьянмы сопоставляются с данными относительно близких по времени данных китайских источников. Объем настоящей статьи позволяет сосредоточиться лишь на нескольких символически значимых описательных образах.

Повествование Конти делится на две части. Первая — собственно маршрутное описание. Вторая часть отводится более детальному описанию быта и обычаев жителей «Индий». Присутствие Поджо Браччолини, записавшего рассказ путешественника, в нарративе Конти, как отмечает Х.-П. Рубиес, особенно заметно во второй части, где купец отвечал на прямые вопросы папского секретаря [2, р. 97]. Отсюда возникает сложность: данные о землях «трёх Индий» — Виджаянагара в Южной Индии, бирманском государстве Ава, монском Пегу и Китае — оказываются перемешаны во второй части отчета. В тексте выстроена своеобразная культурная иерархия азиатских стран и народов — от андаманцев-антропофагов до государств «третьей Индии» с городской культурой и церемонными нравами, включая китайцев, чья страна «превосходит все прочие» [3, р. 130, 134].

Хронологических рамок пребывания венецианца в «третьей Индии», Юго-Восточной Азии — Аракане, Аве, Пегу, Чампе, — Поджо не приводил. Как отмечает К. Бризил, можно с уверенностью утверждать лишь то, что Конти посещал Суматру, Тенассерим и местность нижнего и среднего течения Иравади (Давы у Конти) во второй половине 1420-х гг. и, вероятно, в начале 1430-х [4, р. 102]. На территорию нынешней Мьянмы Конти прибыл морем, выйдя из порта,

названного им Буффетания (очевидно, территория Бенгальского султаната), и достигнув реки Рахан (Rachanus, Рокхайн, Аракан), а через месяц — одноименного города [3, р. 132]. Из Аракана, который при короле Нарамейхле в 1430 г. окончательно провозгласил независимость от Авы — главного политического центра Мьянмы [5, с. 123], венецианский купец отправился в саму Аву, а оттуда — в густонаселенное Пегу. Описание Авы, названной путешественником «благогороднейшей», свелось к рассказу о продающихся в этом городе генитальных бубенцах (sonalia), золотых, серебряных и медных, и о подробностях операции их помещения в детородный уд — якобы непременно в условии для вступления бирманского мужчины в брак. «Женщины, — передавал Браччолини рассказ путешественника, — часто предлагали такую услугу Никколо, смеясь над ним из-за малых размеров его Приапа, но он не пожелал ценой своей боли доставлять наслаждение другим» [3, р. 132]. После этого описания, в котором Поджо, очевидно, просто опустил сведения рассказчика о других товарах Авы, в отчете шел пассаж о едином государе области Мацин: «Эта провинция, именуемая жителями Мацин, изобилует слонами, ведь ее царь содержит десять тысяч слонов, которых использует на войне. На спинах у слонов закрепляются башенки, откуда восемь или десять мужей ведут бой дротиками, луками и тем, что мы называем баллистами» [Ibid.].

Рассказ продолжается описанием поимки слонов для царской элевантерии. Термин Мацин (Мачин) — экзотопоним индийского происхождения. В ряде южноиндийских тантрических текстов Махачина («Великий Китай») была названа источником тайной йогической мудрости. По мнению Е. А. Торчинова, именно эти представления, отражавшие эпизодические заимствования в индийской алхимии из китайской даосской традиции, повлияли на арабских авторов, считавших Китай родиной магии [6, с. 217]. Понятие Мачин (Масин) постоянно встречалось в сочинениях мусульманских космографов применительно к Китаю в составе персидского наименования Чин и Мачин (Син и Масин) для Северного и Южного Китая соответственно [7, с. 87]. Через посредничество географической традиции мусульманского мира индийский экзотопоним для Китая Махачина проник в европейские труды о Востоке. В отчете Никколо Конти Китай именовался Катай [3, р. 134], причем побывать в Китае путешественнику не

пришлось. Конти, владевший арабским и персидским языками, побывавший членом персидской торговой корпорации, а в конце путешествия вынужденно принявший ислам [3, р. 126–128], знал географическую традицию мусульман. Однако при известной зависимости от нее описание Мацина у Конти не соотносится с империей Мин. У Марко Поло названия бывшей территории Южной Сун и Мьянмы — соответственно Манги (Манзи) [8, с. 144–146] и Мян (Минин) — не контактировались друг с другом. Описание элфантирии Наратхипати (1254–1287), царя Пагана в период его войны с Юаньской империей в 1277 г., от которой Пагану было не суждено оправиться [5, с. 5], составлено Марко Поло по тому же плану, по которому Конти говорил о слонах Мацина. Марко Поло рассказывал: «Стал этот царь [Мяна] делать вот какие приготовления: было у него... две тысячи больших слонов; и на каждого слона приказал он приладить деревянный теремец, крепкий, красивый и приспособленный к бою; в каждом теремце было до двенадцати воинов...» [Там же, с. 133]. Страна Мацин у Конти — скорее общее название континентальной Юго-Восточной Азии, включая Аву, Пегу, Чампу и Аютию.

Главным животным региона Мацин для венецианца был слон. Браччолини указал, что способ поимки мацинских слонов совпадает с практикой, описанной Плинием Старшим в «Естественной истории» [3, р. 132]. Прирученный слон, как полагал венецианец, транслируя укорененное еще в Античности представление о слонах, умное и преданное существо: «Это животное настолько умно, что в бою часто подставляет подошвы своих ног под вражеские дротики, чтобы защитить седоков» [Ibid., р. 133]. Описание венецианским купцом процесса приручения слона, начинавшегося с заманивания дикого зверя в загон посредством прирученной слоницы и умирения его голодом и завершавшееся проходом по городу между двумя уже ручными слонами, напоминало инициацию — преодоление дикости и утверждение в культуре [Ibid.]. Для Аристотеля (1, XLVI, 235) и Плиния (10, VIII, 1) слон — умнейшее из животных, наиболее преданное человеку. Однако схожие трактовки поведения слона встречались и в индо-буддийской традиции, для которой слон не являлся экзотическим зверем. Прирученный слон — яркий образ в «Дхаммападе»: «...Я буду терпеть оскорбления, как слон в битве — стрелу, выпущенную из лука» [11, XXIII, 320]. В том же тексте палийского канона

приручение слона напрямую сравнивается с духовным самообузда-нием: «Связанный, он не ест ни куска: слон грезит о слоновом лесе» [11, XXIII, 324]. Именно этот мотив наблюдается в рассказе Конти. Не исключено, что на венецианца в его описании слонов повлияли не только укорененные в европейской бестиарной традиции стереотипы, но и «звериная» мифология буддийского мира, сюжеты которой он мог почерпнуть в Аве или Пегу.

Китайский чиновник южносунского времени Чжоу Цюйфэй в трактате «За хребтами. Вместо ответов» (Лин вай дай да 嶺外代答, 1178) сообщал о государстве Паган (Пугань) данные, сводившиеся большей частью к пышному дворцовому церемониалу, и о слонах в нем не упоминал [12, II, 6]. Зато поведал о многочисленной эл-фантирии империи Чолов (Чжунянь) в Южной Индии, сообщив, что доблестного воина и его слона награждали парчовым шатром и золо-той кормушкой [Ibid., 10]. Чжоу не склонен был приписывать слону какие-либо особо возвышенные качества и подчеркивал опасность дикого слона для человека [12, IX, 1]. В «Лин вай дай да» сообщалось, что люди цзяо (вьеты) начинали приручение слонов с замани-вания дикого стада с помощью ручной слонихи в пещеру, при этом Чжоу считал, что слон, «хотя внешним видом и велик, не выносит боль» [Ibid.].

«Десять тысяч слонов» — древний бестиарный код могущества в индо-буддийском мире. Имена-титуты и наименования государств, оперировавшие количествами воинов, городов или слонов, были рас-пространены в Юго-Восточной Азии, в частности, в тайских госу-дарствах [13, с. 13]. Путешественник превратил титулатуру в инстру-мент географического описания. Повелитель Мацина, под которым мог подразумеваться государь Авы, Пегу или Аютии, ездил, по сви-детельству Конти, на слоне-альбиносе: «Царь разъезжает на белом слоне. <...> Люди берут одну жену. Муж и женщины железной иглой накалывают на тело разные цветные рисунки так, что они остаются навсегда. Все они чтут идолов, но, встав с ложа и обратившись к вос-току, молятся со сложенными руками: “Бог тройственный и закон его, храни нас!”» [3, р. 133].

Высочайший символический статус белых слонов — общая черта индо-буддийского мира. В Мьянме и Аютии белый слон счи-тался важным атрибутом идеального буддийского царя — чаккаватти

(чакравартина). Стандартным поводом для сиамско-бирманских войн были требования уступить слона-альбиноса «великому королю» [13, с. 31]. Характерно, что в «Мин-ши», династийной истории империи Мин (завершена в 1736 г.), Мьянма — Мьяндянь 緬甸 прочно ассоциируется с белым слоном: «Мьяндянь — древняя земля Чжубо. При сунском Нин-цзуне (правил в 1194–1224 гг. — Д. В.) Мьяндянь, Босы и другие государства прислали белых слонов» [14, цз. 315]. С белым слоном как частью образа Юго-Восточной Азии, в данном случае — с Аютией, Сиамом (Сяньло 暹羅), связан исторический анекдот «Преподнес в дань слоновий хвост» (《貢象尾》, «Гун сян вэй»), рассказанный видным интеллектуалом рубежа минской и цинской эпох Тань Цянем (1594–1658) в «Разных записях из жужубовой рощи» (Цзао линь цза цзу 棗林雜俎): «В год гуйчоу эры Цзяцзин Сяньло послал в качестве дани белого слона, тот умер в пути. Посол украсил его бивни драгоценностями, сложил на золотое блюдо и преподнес вместе с хвостом слона» [15, с. 49]. В «Мин-ши» анекдот также встречается, причем подчеркивается, что император остался весьма доволен этим жестом [14, цз. 324]. Китайские авторы, рассматривавшие Бирму и Сиама как в первую очередь данников Китая, скорее принимали как должное факт столь престижного в индо-буддийском политическом лексиконе дара, как белый слон.

Конти сообщил об использовании генитальных бубенцов в Аве, однако эти приспособления были ходовым товаром в Юго-Восточной Азии. Операции с бубенчиками в Сиаме отмечались китайскими авторами XIV–XV вв. Чжоу Чжичжуном и Ма Хуанем как курьезный факт [16, р. 250]. Со второй половины XVI в. бубенцы попадают и в Китай [Там же, р. 257], а впоследствии и в Японию [17, с. 249–251]. В Китае минского времени они были известны под названием мянлин: 勉鈴 — «возбуждающие бубенцы» или 緬鈴 — «бирманские бубенцы». В одной из сцен романа «Цзинь пин мэй» (кон. XVI в.), действие которого происходило в сунское время, Симэнь Цин объясняет любовнице назначение шарика, выпавшего у него из рукава: «А ты не знаешь? Это шарик-возбудитель. Их на юге, в Бирме выделяют. Самые лучшие — пять лянов штука» [18, с. 225]. Возможно, для читателя «Цзинь пин мэй» это приспособление все еще было в диковинку.

Происхождение эротических бубенцов, использовавшихся и мужчинами, и женщинами, обросло мифологией. Тань Цянь

сообщал о фантастическом способе добычи бирманцами «начинки» для бубенца — спермы баснословной птицы Пэн (鵬): «Рассказывают, что в бирманских колокольчиках содержится семя Пэна. Пэн по природе крайне похотлив. Лишь появится — и все, к женскому полу принадлежащее, убегает. Встретив женщину из южных варваров, Пэн сразу ее клюет, стремясь овладеть. Туземцы плетут из травы чучело, обряжают в яркое платье, вверху втыкают шпильки, украшают цветами. Пэн покрывает чучело, извергает на него семя. Его собирают, укрывают в золотом шарике величиной с боб. Мужчина, вставив его в уд и сойдясь с женщиной, добьется усиления *ци*» [15, с. 426]. Востребованность звучащих эротических предметов была связана с двойственной природой музыки в китайской традиции: музыка обладала не только гармонизирующим характером, но и чувственно-стихийным [19, с. 29]. Этиологических мифов про «звонкие» товары венецианец не приводил, хотя передал в другом месте поверье, что индийская свирель подражает пению птицы семенды (мусульманский вариант феникса) [3, р. 140].

Никколо Конти, у которого особенности сексуальной культуры жителей Авы вызывали брезгливость, приписывал функции бубенцов удовлетворению женского сладострастия. Говоря о других странах «Индии», венецианец объяснял причину повсеместного распространения проституции тем, что «индийцы склонны к сладострастию» [Ibid.]. Однако мужчинам «третьей Индии» Конти приписывал моногамию и бирманских мужчин, пользовавшихся генитальными бубенцами, скорее считал жертвами сластолюбия их жен. Чжоу Цюй-фэй считал многие южные брачные обычаи, даже земель, входящих в империю, лишенными должной церемонности, и полагал, что южная жара благоприятна для силы и здоровья женщин, но плохо влияет на мужчин, «ведь если ян взаимодействует с ян, то они губительны друг для друга» [12, X, III, 13].

Упомянув татуировку, как и в случае с телесными манипуляциями в Аве, Конти указал на деформации человеческого тела — выразительное отличие Индокитая от Европы. Марко Поло был осведомлен об этом распространенном обычае в области Северного Лаоса [8, с. 137]. Сопоставление его описания с рассказом Конти выдает известную зависимость итинерария венецианца XV в. от описательской манеры каталога венецианца XIII в. Марко Поло мог обратиться

внимание на татуировку, исходя из знакомства с китайской традицией, ведь для последней узоры на теле — с древних времен индикатор отличия «варваров» от китайцев. В китайских сочинениях сунского времени татуировка упоминалась именно в такой интерпретации, в частности, Чжоу Цюйфэем в описании обычаев женской инициации у хайнаньских ли: «В горных поселениях провинции Юн, отправляя куда-либо женщин, бояться, что если они убегут, то заклеят их лица, и тогда их будут путать с женщинами *ли*!» [12, X, III, 5].

Из обычаев Мацина купец отметил употребление в пищу как деликатеса огромных змей (питонов) и красных муравьев [3, р. 133–134]. Несмотря на отнесение жителей Мацина к идолопоклонникам, Конти упомянул их поклонение «тройственному Богу». Преобразование в тексте итинерария, по всей видимости, трех сокровищ буддизма в подобие Троицы свидетельствовало о стремлении венецианского путешественника и папского секретаря отыскать в верованиях иноземцев с рафинированной культурой элементы, хотя бы отдаленно напоминающие христианские.

Средневековая Бирма была цивилизационно иным миром и для китайцев, и для людей средневекового Запада. В описаниях Мьянмы у венецианца Никколо Конти и у китайских интеллектуалов прослеживается ряд общих формул инаковости, проступающих через образы фауны (реальной и баснословной) и сексуального поведения бирманцев. Китайские авторы, будучи учеными чиновниками, проявляли определенный интерес к экзотическим для них южным соседям, но все же не рассматривали их в отрыве от традиционной синоцентрической «даннической» парадигмы. Венецианский купец, считая страны «третьей Индии» не уступающими Италии в городской жизни и нравах, едва ли видел свои торговые поездки средством приобщения иных народов к более высокой культуре или учению. Хотя телесные манипуляции были ему не по душе, он пытался найти в молитвах рафинированных «идолопоклонников» черты, напоминающие христианские догматы.

1. *Возчиков Д. В.* «Люди скромны, благовоспитанны и богаче жителей других стран»: венецианский путешественник Никколо Конти о Китае // Китай: история и современность : материалы VII междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 17–19 окт. 2013 г. Екатеринбург, 2014. С. 84–89.

2. *Rubiés J.-P.* Travel and Ethnology in the Renaissance : South India through European Eyes, 1250–1625. Cambridge, 2002.
3. *Bracciolini P.* *Historiae de varietate fortunae libri quatuor.* Paris, 1723.
4. *Breazeale K.* Editorial Introduction to Niccolò de' Conti's Account // SOAS Bulletin of Burma Research. Vol. 2. № 2. 2004. P. 104–109.
5. *Берзин Э. О.* Юго-Восточная Азия в XIII–XVI вв. М., 1982.
6. *Торчинов Е. А.* Даосизм: опыт историко-религиозного описания. СПб., 1999.
7. *Бартольд В. В.* Сочинения : в 9 т. М., 1968. Т. 5. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов.
8. Книга Марко Поло / предисл. В. В. Бартольда. М., 2012.
9. *Аристотель.* История животных / пер. с древнегреч. В. П. Карпова ; под ред. и с прим. Б. А. Старостина. М., 1996.
10. *Pliny the Elder.* Natural History / with an English translation by H. Rackham. Cambridge, 1967. Vol. 3, Libri VIII–XI.
11. Дхаммапада / пер. с пали, введ. и коммент. В. Н. Топорова. М., 1960.
12. *Чжоу Цюй-фэй.* За хребтами : Вместо ответов (Лин вай дай да) / пер. с кит., введ., коммент. и прил. М. Ю. Ульянова. М., 2001.
13. *Афанасьева Е. Н.* Буддизм тхеравады и развитие тайской литературы XIII–XVII вв. М. : ИМЛИ РАН, 2003.
14. Мин-ши / Цин. Чжан Тинъюй дэн. 明史/清.张廷玉等 (История Мин / Цин. Чжан Тинъюй и др.) URL: <http://www.guoxue123.com/Shibu/0101/00ms/index.htm> (дата обращения: 18.09.2015).
15. 談遷。 棗林雜俎。 Тань Цянь. Цзао линь цза цзу (Разные записи из жузубовой роши). Пекин, 2006.
16. *Sun Laichen.* Burmese Bells and Chinese Eroticism: Southeast Asia's Cultural Influence on China // J. of Southeast Asian Studies. Vol. 38, No. 2 (Jun. 2007). P. 247–273.
17. *Гулик Р. ван.* Сексуальная жизнь в Древнем Китае. СПб., 2006.
18. Цветы сливы в золотой вазе, или Цзинь, Пин, Мэй : роман / пер. с кит. В. Манухина, Г. Ярославцева ; вступит. ст. и примеч. Б. Рифтина. М., 2007.
19. *Кобзев А. И.* Парадоксы китайского эроса // Китайский эрос : науч.-худож. сб. / сост. и отв. ред. А. И. Кобзев. М., 1993. С. 12–31.